

ЗАТЕЙНИК

ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРГЕЙ СОРОКИН, 37 лет.

ВАЛЕНТИН СЕЛИЩЕВ, 30 лет.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ СЕЛИЩЕВ — отец Валентина, 61 лет.

ГАЛИНА СЕЛИЩЕВА — жена Валентина, 37 лет.

МАРИЯ ПАВЛОВНА БЕЛЯЕВА — сестра Селищева, 30 лет.

ЭДУАРД, СЫН МАРИИ ПАВЛОВНЫ — двоюродный брат

Валентина, 20 лет.

ТАМАРА, 20 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцене довольно темно, и мы различаем только контуры декорации, но, приходя постепенно к полумраку, видим обширное помещение, что-то вроде сарая, превращенного в комнату. В комнате стол, пара стульев, кровать, стоящая в углу, на которой спит кто-то. Около кровати тумбочка. В противоположной стороне такая же тумбочка самоторного типа. На ней электролампа. В углу унитазы. Широкое, но невысокое окно задернуто жалюзи, сквозь которые полосами бьет свет. Приглядываясь еще, видим, что в комнате много спортивного инвентаря. Мячи, сетки, теннисные ракетки, кезли, ласты, даже ралиры и спасательный круг. Спортивный инвентарь валяется на полу или развешан по стенам.

Отворяется дверь. На пороге — мужчина в светло-кремовых брюках, элегантной белой рубашке, светлых сандалях. Это Валентин Сидищев.

Валентин Сидищев! Товарищ Затеиник!

Человек на кровати зашевелился, открыл глаза, сел на кровати. Протирает глаза, жмурит.

Волейбольный мяч требуется!

Затеиник — это Сергей Сорокин — встал (он спал в желтой майке и синих китайских брюках) и босиком зашелел по комнате в поисках мяча.

Что это вы в семь часов задегла? Какая ни работа, и жестики работа.

Сергей (не глядя на собеседника, ищет мяч). Устал. (Поднимает жалюзи.)

В комнате стало ярко, светло.

(Залезнул на тумбочку и полез под кровать. Выкатил мяч и кинул его босой ногой по направлению к Валентину.) Пожалуй-ста. (На минуту взглянул на Валентина, замер, но тотчас же повернулся и пошел к постели.)

Валентин *(неуверенно)*. Серешка!..

Сергей будто не слышит.

Сереша!

Сергей оборачивается.

Сергей!

Сергей *(с несколько деланной, вялой радостью)*. Валя! Селищен!

Идут навстречу друг другу, здороваются. Оба растерянны, чувствуют себя неловко.

Валентин. Серешка Сорочкин!.. Вот так да! Серешка Сорочкин!..

Ай-ай-ай-ай-ай! Серешка Сорочкин!..

Сергей *(улыбался)*. Вроде бы я...

Пауза. Так и стоят друг против друга. Очень они внешне неравноценны.

Валентин. Отскандался!.. Ты что тут?

Сергей. Живу...

Валентин. Давно?

Сергей. Семь лет.

Валентин. Здесь?

Сергей. Да.

Валентин. Работаете?

Сергей. Ага...

Валентин. В этом доме отдыхаете?

Сергей. В этом.

Валентин *(робко)*. В качестве кого?

Сергей. Веду культурно-массовую... Экскурсии, погоды, кино, шахматы. Библиотечной веду с одиннадцати до часа... Спорт-

инвентарь тоже на мне. Еще сонницаю — игры массовые. Личных подставки шнелю... (Умолк.)

Пауза.

Валентин. Серезжа Соронки!..

Сергей. А ты откуда? Отдыхать приехал?

Валентин *(все еще не приди в себя от встречи)*. Семнадцать дней уже здесь.

Сергей. Не видел тебя.

Валентин. Я не у нас. Я в санатории — «Цветнот»... Сергуха, Сергуха!

Сергей. Да... вот... *(После паузы.)* Садись.

Валентин. Сейчас. Одну минутку... *(Валд мяч, быстро вышел в дверь. Слышен его голос: «Анна Львовна, я задержусь. Играйте без меня».)*

Пока он выходил, Сергей подошел к кровати, сунул ноги в тапочки и, взглянув на одинокое фото, висящее над кроватью, снял его и сунул в ящик тумбочки. Вернулся Валентин.

Сергей. Присаживайся. У меня навардак...

Валентин. Это что, твой спортбаза?

Сергей. Да. Я и живу здесь.

Валентин. Квартира проде?

Сергей. А что? Удобно. Так спать, не отходя от насем.

Валентин. Ты знаешь... я даже скрыть не могу...

Сергей. Понимаю.

Валентин. Серезжа!.. Серезжа!.. Как же это так?

Сергей. Что?

Валентин. Как это вышло?

Сергей. Постепенно.

Валентин. И давно ты здесь?

Сергей. Седьмой год. Я тебе сказал.

Валентин. Да-да, знаешь... Все тут?

Сергей. Тут.

Валентин. Наших много не встречал за эти годы?

Сергей. Нет.

Валентин. В Москве бываешь?

Сергей. Нет, не бываю.

Валентин. Женат?

Сергей. Нет.

Валентин. И не был?

Сергей. Не был.

Пауза.

Валентин. Костя Мисяков — врач. Докторскую защитил. Эндокринолог... Зоя Бородавкина — инструктор в райкоме по строительству. Аристархов... помнишь Аристархова?

Сергей. Я всех помню.

Валентин. Он зина мончал. В издательстве старшим редактором. За границу часто ездил. Сечкин — артист, в кино снимается. Здорово смешил. Ты видел?

Сергей. Видел. Он и в кружке способный был... А ты в наш дом отдыха как попал?

Валентин. Тут у вас дама одна... роскошная. Позакомился третьего дня.

Сергей *(равнодушно)*. А-в-а...

Валентин. Делать-то нечего.

Сергей. Понимаю.

Валентин. Ты знаешь, мы когда в Москве собираемся, тебя каждый раз вспоминаем. Уж чего только не называли... Гадали: может, Ассунда строить или какую-нибудь новую Бхилаю... Даже предположение было, что ты засекречен — есть, говорят, такие особа ценные головы. Ну а кто думал — погиб, умер...

Сергей. А ты теперь кто?

Валентин. Я?... Ну, мончал педагогический. В аспирантуру толкнулся. Не повезало: своих там до лешего... В райкоме сначала. Потом меня на всякие организационные мероприятия бросали.

Сергей. Руководящий, значит, состав?

Валентин. Был... Только больше мною руководили: то по загранику, то по носу. Низший, брат, чин — тот же солдат: «Направо!» «Налево!», «Кругом!»... Только поворачивайся. Я инструктор

теперь. Книжки, кроме того, читаю.. Езжу. От общества «Зна-
ние».. Доплата имею.

Сергей. Вона!..

Валентин. Изменился я?

Сергей. Не очень.

Валентин. А не узнал.

Сергей. Я узнал... да смутился чего-то.

Валентин. Понимаю.

Некоторое время сидят молча.

А ты, значит, развлекаешь трудящихся.

Сергей. Да... всякая мура.

Валентин. Игры?

Сергей. И игры. Третий лишний там, горелки, веревочка.

Валентин. Веревочка? Что это?

Сергей. Берутся сначала парами за руки, выстраиваются в одну
линию, потом кто-нибудь выходит вперед... *(Замолчал.)*

Валентин. Понятно...

Сергей. Вот, значит, так...

Валентин. Ай-эй-эй... Мы думали: кто-кто, а Сережка Соронин
с неба звезду схватит.

Сергей. Я тоже думал... Хочешь, чай поставлю?

Валентин. Нет. У нас на убой кормят.

Сергей. А я выпью. Пить хочется. *(Включает лампу, ставит чай-
ник.)*

Валентин. Да... звездами с неба не всех отоваривают.

Сергей. Хурма есть...

Валентин. Спасибо, не хочу... рот вяжет.

*Сергей вынул было из тумбочки тарелку с хурмой, но, услы-
шав отказ, сумел тарелку обратно.*

А до этого ты где был?

Сергей. В Мурманске... в Тимони... Полтаве... Среднюю Азию
изъездил... много...

Валентин. Чего делал?

Сергей. Всякое. Что пошло.

Пауза.

Валентин *(показывая на спортивное имущество)*. Это твои орудия производства?

Сергей. Да.

Валентин *(вынимая сигареты)*. Курить?

Сергей. Нет, я не курю.

Валентин. Это болгарские. На экспорт, под американские делают.

Сергей. Хорошие, наверно.

Валентин. Отличные... *(Заткнулся. Прошелся по комнате. Остановился у рашпы. Снял одну со стены.)* Тут я на шпагах бьется?

Сергей. Это рашпы.

Валентин. Ну, все равно. Глаза выткнуть могут.

Сергей. Маски надевают. Вап... *(Показал на маску.)*

Валентин. Доловойный спорт. Дай какому-нибудь бегемоту — брюхо прорвет.

Сергей. Она тушье. Да никто и не берет. Теперь больше бадминтон пошел. *(Увидя, что Валентин пробует пальцем кончик рашпы.)* Эту я ваточка.

Валентин. Зачем?

Сергей. Зной какой-то сволочи в окно залезли. Скрутили, рот мне загнули и на шестьдесят восемь рублей инвентарь сперли. А мне же присудили выплачивать. По три сорок я получу.

Валентин. Что ж ты их теперь, протыкать будешь?

Сергей. Путю.

Валентин *(повесив рашпы обратно)*. Да!.. Отмыкался!.. Встречу наших, расскажу — не поверят!

Сергей. А ты не говори.

Валентин. Да как же!

Сергей. Скажи — Сережка Сорочкин умер, ребята, своими глазами могли видеть. А?..

Валентин. Полно тебе...

Сергей. Ну ладно. Похвастайся.

Валентин. Чем же тут хвастаться, чудак...

Сергей. Я так просто. Шучу.

Валентин. Могу не говорить.

Сергей. Как хочешь.

Валентин. Вообще-то чего особенного... Работаете культурным.
Мало ли их по Союзу. Работа как работа... Ты учился этому делу или как?

Сергей. Сначала случайно. Место тут было свободное. Потом на курсы ездил в Ростов. Два раза по три месяца...

Валентин. Ага!.. И вообще тут хорошо: юг, море, фрукты. Я на виноград нажимаю.

Сергей. Да, здесь замечательно.

Валентин. Мы этим удовольствиям в году-то один раз пользуемся, а ты крутой год. Вон загорелый какой.

Сергей. Зима здесь паршивая.

Валентин. Да, зимой, наверно, скучно.

Сергей. Старички плакают, старушки всякие хворые... Но не в этом дело — погода паршивая. Дождь со снегом, слякоть, промозгло. Кашель у меня стал появляться.

Валентин. Болеешь?

Сергей. Сейчас нет.

Валентин. А что лежал?

Сергей. Сморзело. Сам не знаю, как заснул. Ездили с Борькой Авиловым на байдарке. Так, покататься. Да двух дур пришлось вытаскивать. Борьку чуть не утопили, зараза. Да и моя красавица хороша: все за руки хватает, за руки. Я ей ору: за шею бери, за бедра, а она — за руки.

Валентин. Часто тонут?

Сергей. Каждый сезон. Заплывают далеко. У кого судорога, у кого сердечно-сосудистая... некоторые просто пугаются. А кто совсем без ума, а шторм лезет. Они, как до моря дорвутся, дуреют.

Валентин. Родителя у тебя живы?

Сергей. Умерли... оба... Это я им упоротил.

Валентин. Не писал?

Сергей. Редко.

Валентин. Хорошие они были. И Елена Ивановна и Константин Федорович. Помнишь, на Арбате у вас собралась? Чуть ли не каждую субботу. И на елку.

Сергей. Ты после того, как я уехал, не навещал их?

Валентин. Нет, не бывал.

Сергей. А что?

Валентин. Сам не знаю. Хоронить их ездил?

Сергей. Только отца. О матери спустя узнал.

Валентин. Не сообщали?

Сергей. Да.

Валентин. На квартиру кто-нибудь позарился.

Сергей. Просто не знали. Я как раз в Фергану переехал.

Валентин. Квартира не сохранилась?

Сергей. Нет, конечно.

Валентин. Значит, от Москвы отрезан.

Сергей. А зачем она мне...

Пауза.

Валентин. Ну а интересы у тебя тут какие? Что делаешь?

Сергей. Интересы? Да нет интересов. Весь день в бегах. Болтаюсь, как буйек. Время-то и мелькает. Читаю когда... больше детективами. Хорошие книги не могу.

Валентин. Что же. А я, знаешь, люблю хорошие. На ночь особенно. Без книги не усну. Тут у Толстого «Отца Сергия» перечел. Здорово он палец-то себе отбивал... лихо...

Сергей. Да... симпатично... Это я еще тогда, раньше читал.

Валентин. Ты головастый был.

Сергей. Теперь, как хорошую книгу прочту, повеселиться хочется. А детективам читаю, ничего... живу... *(Засмеялся, улюк.)*

Валентин. Понимаю... Худо тебе?

Сергей. А чего? Привык.

Валентин. Вижу.

Сергей. Это я тебя встретил, что-то вроде расстронлся. А так — веселый. Меня отдыхающие любят... Ты женат?

Валентин. Женат.

Сергей. Что ж молчишь?

Валентин. Ждал от тебя этого вопроса.

Сергей. Почему?

Валентин. Может, неприятно тебе...

Сергей. На Галине?

Валентин. На Галине.

Сергей (подходит к электромантинге, выключил ее, налил себе чаю).
Может, выпить?

Валентина. Да нет. (Посмотрел на часы.) Ужинать скоро.

Сергей (переносит стакан с чаем на стол. Садится, размешивает
в стакане сахар.) Как она?

Валентин. Хорошо. Живет не жалуется... Одно тебе слыжу. Саража:
все проходит. Уж как и тогда по Галине с ума слодил, вспо-
нить совместно. Поверишь ли, покончить с собой хотел. Безумно
ее ждал... Ты живишь, может, не надо?

Сергей (смеется). Мне-то что... Давным-давно все забыто... Так,
для поддержания разговора спросил.

Валентин. Она, понимаешь, какая-то холодная оказалась. Ровная,
бесстрастная...

Сергей. Галина?

Валентин. Да. А что?

Сергей. Так.

Валентин. Женщина она порядочная, ничего не слышешь, но
веселее она мне поначалу показалась, прелестней, что ли, жен-
ственней.

Сергей. Любит тебя?

Валентин. Любит, наверно. Чего не любить. Но я тебе честно
признаюсь. Была у меня одна история... вот та любила! Даже,
знаешь, с перебором. Оборвать пришлось по тактическим сообра-
жениям.

Сергей. Дети есть?

Валентин. Детей нет. Я и сам не очень настаивал: вниз, вниз...
Может, и надо было, да теперь поздно.

Сергей. Институт она закончила?

Валентин. А как же! Она, брат, вот-вот заслужившую учительницу
отдадут. Ничего у нее, может быть, учебник выдет. Да-да!
Вдвоем они там с какой-то приятельницей корпели. Для малы-
шей, кажется. А учебник пробить — это, знаешь, надо все три
смены в сутки выкалывать... Он у нее и на стеньгу пойдет,
учебник этот. Звездочку-то и достанет! Не шумит вроде, а свое

берет. Безумная, видно. Станешь-то она бы уж и имела, да перерыв был.

Сергей. Какой перерыв?

Валентин. По нашей линии, может... Только она учительствовать пошла, мать приближать начала. У отца знаешь какая работенка. Я как раз в горку двинулся. Домработница на какие-то курсы сбегала. Кругом, как говорят, дырал! А ее, как назло, загрузили, дали восьмые и девятые классы. Придет поздно, да еще тетрадей гора — сиди до ночи... Просто смотреть жалко. Ну, уговорили мы ее оставить. Она согласилась — и хорошо дом вела, у нас и сейчас порядок, она умеет. А когда мать умерла, Галина уж не захотела, замурилась — опять в школу пошла. И знаешь, теперь ее там в какие-то советы выбрали, в Академии педагогических наук бывает. Словом, свои лапры шкилет!

Сергей. Смотри ты! А ведь она все на артистку перебежать хотела.

Валентин. А и поминишь, почему-то таксистом собирался сделаться — чепуха какая!

Сергей. А отец, значит, жив?

Валентин. Жив.

Сергей. Работает?

Валентин. Представь себе, тинет. Со скрипом, правда, — бледет часто. Прехлое, видать, сназмывается: в те годы знаешь, что такое в прокуратуре работать? Все время со смертью под ручку прогуливаться. Особенно если по совести работать, как он. Жуткие дела были... Слава богу, все это теперь плюсквамперфектум. Теперь он на каких-то там консультациях. Но больше дома. Тихловат стал, ворчит много... чудак... Не мазива...

Сергей. А в остальном у тебя все хорошо?

Валентин. Относительно, конечно. Лучшему, говорят, вопши нет. Но не жалуясь... Ты на меня зла не имеешь?

Сергей. За что?

Валентин. Ну... уезл я тогда Галину... Но, в конце концов, она сама решала. Верно?

Сергей. Конечно...

Валентин. Мени тогда, когда ты исча, все наши ругали. А что я поделять мог? Сам влюблен был. За женщину надо до конца биться, такое право каждому принадлежит, верно?

Сергей. Еще бы...

Валентин. Скажи, ты из-за всего этого тогда и уехал?

Сергей. Теперь уж не помню.

Валентин. Зря перевернул судьбу.

Сергей. А я не жалеюсь.

Валентин. Это ты брось, Сережа!

Сергей. Сам сказал: сплошной курорт.

Валентин. Были бы монастыри, ты бы, наверно, тогда в монахи ушел.

Сергей. Это идея! Ты похлопочи так в Москве, чтобы парочку монастырей открыли! Может, кому понадобится.

Валентин. Да... так, как любила в юности мы, теперь не умеют... Правильно ли ты поступил: Сережа, не знаю. Не думаю. На жизнь обиделся. А это самое безнадежное дело. От нее тычки каждому достаться могут — по разным, так сказать, случаям, — важно на ногах удержаться. Я, знаешь, так смотрю: жизнь дана всем одинаково. Остальное берешь своими руками. Верно?.. Тебе другого можно было достичь, Сережа.

Сергей. Сблизил с толку, проежал. Теперь поздно.

Валентин. Не считаю, Сережа. Тебе сколько? Тридцать восемь или тридцать девять?

Сергей. Тридцать семь.

Валентин. Видел? Я тут в каком-то журнале читал: женщина лет шестидесяти начала заниматься биологией.

Сергей. Да-да! А я читал в «Огоньке» — какая-то полковница вилку проглотила. Хотела быстрее кусок прожевать, толкнула в глотку вилкой, а она — шмыг! — и в желудок. Достали, пишут, операционным путем.

Валентин. Не знаю, Сережа, стоит ли женщинам того, что мы для них делаем.

Сергей. А мы не для них стараемся, для себя. Мы ведь эгоисты.

Валентин. Как понять?

Сергей. Чего разжевывать-то...

Валентин. Может, ты обижен на то, что я ее подарками задаривал? Но ведь и ты старался, поминишь? Полные карманы конфет приносил, анелисинов.

Сергей. Да брось ты оправдываться, Валя! Твоя взяла, в все...

Валентин. Между прочим, она тебе помнит. Я в прошлом году у нее в тумбочке печально твоё фото нашёл. Представь себе, она покраснела даже, дурочка!

Сергей. Чего врешь!

Валентин. Честное слово! Клянусь! Я ей шутя говорю: ага, попалась, неверная! Хочу взять фото, так она, знаешь, как кошка!

Сергей. Слушай, у меня идея мелькнула: прочти у нас лекцию. Говорят, завтра во второй половине дня дождь будет. Вот под дождик бы в толкнул.

Валентин. Я ведь на отдыхе...

Сергей. По дружбе...

Валентин. Попад и к тебе на свою голову!

Сергей. Можем заплатить.

Валентин. Оставь, пожалуйста!

Сергей. Ты о чем читаешь?

Валентин. Разные у меня темы. «О противоречиях в капиталистическом обществе» могу.

Сергей. Нет, на «противоречия» летом не заговинишь. На морально-этическую хорошо бы...

Валентин. Не совсем по профилю, но могу.

Сергей. Это самое подходящее. Тут, понимаешь, курорт. Лунная терапия и так далее... Ко мне иногда обращаются: «Сергей Иванович, дай ключик от комнаты, а ты пока искупаться сходи на полчаса. Как мужичина мужичину пойми». И так далее.

Валентин. И даешь ключ?

Сергей. Мне-то что?! Никто ж не?! Потом пол-литра покупаю. Сяди тут, выпивай. Курорт!.. Я запишу тебя завтра на пять часов.

Валентин. Хорошо.

Сергей. Вот спасибо! Афишку сострипаю. Как озаглавишь?

Валентин. Напиши просто: доцент В. А. Селищев, лекция на тему «Моральный облик советского человека».

Сергей. Как бы позавокрыстей?

Валентина. Сам выдумай... А я вижу, ты действительно тут прижился.

Сергей. Как мне!

Валентина. В какой-то степени это даже хорошо.

Сергей. А что мне!

Валентина. Ты молодец! Другие, как с круга сойдут, любовью наплачутся. Ты, конечно, на свой счет не принимай, но не люблю тебя, потому жизнь не удалась, чаще всего по их собственной вине, а они на жизнь флёр этикий наводят: критиканство или меланхолию... дескать, вы, черви, довольны жизнью, ну и бог с вами, радуйтесь! А нам, мол, все ясно, а мы — не черви, значит, радоваться не можем... Дрянь! Это, знаешь, их меланхолия, скепсис, прогни эта дощечка — оправдание из собственной бездарной жизни, — вот что это такое. Верно?

Сергей. Оправдание жизни каждому нужно иметь. Даже неудачнику. Даже алкоголику. Вору даже. Иначе как же существовать?

Валентина. Я же тебе сказал: на свой счет не принимай.

Сергей. Когда ты скептиком ругаешь, тоже вроде под свою жизнь базу подводишь.

Валентина. Мне-то что оправдываться, чудих?! У меня все идет правильно, по выхода на нормы.

Сергей. Ты один здесь?

Валентина. Один. Отец, я тебе говорил, слаб. Иногда задыхет, — шланги, судно подкачивать приходится. Как его одного оставлять? Жалко... А у Галины золотые руки. Да и не любит она по курортам. Я один раз ее в Карловы Вары брал, и то скучала. А уж Карловы Вары — это, брат, зэгранница... И, честно говоря, муж от жены, жена от мужа должны иногда отдыхать. Тебя, холостяку, этого не понять. *(Посмотрела на часы.)* Ну, ужинать пора. *(Встала, обвела комнату глазами.)* Да, кабардан у тебя здесь порядочный...

Сергей. Все приходит — шмыряют, ковыряют, бросают...

Валентина. Значит, ты на меня зуба не имеешь?

Сергей. Какой там зуб... Все это было до одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

Валентин. Это хорошо. А то я, знаешь, все время какую-то пеломность чувствовал. Вроде бы и не виноват, а какой-то осадок был.

Сергей. Пашь ты!

Валентин. А у тебя тут радиола, проигрыватель...

Сергей. Развлекаюсь.

Валентин. Слушай, Сергеш... только ты не смейся.

Сергей. Ну?

Валентин. Не будешь смеяться?

Сергей. Ты говори — что?

Валентин. Дай мне ключ от твоей затки... ну, грешен, грешен!

(Смеется.) Ну, мужик! И надо нам с тобой эту натянутость дивидировать... Вот что, слушай: ты пока в магазинчик сбегай, поллитрочку возьми, запусти. Что мы с тобой как-то сухомятку разговариваем, а? *(Не дожидаясь ответа, вынул из кармана десять рублей и сунул Сергею в руку.)*

Сергей взял деньги.

Очень рад, что я тебя встретил! Посидим, вспомним золотые годы!..

Сергей дает Валентину ключ, тот взял его, положил в карман. Хитро, а?! Приберись немного, а то пеломно. Ладно?. Ну, не прощайся. (Ушел.)

Сергей машинально начинает прибирать комнату.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната. Жалюзи опущены. Дверь открыта, и через нее падает чуть красноватый вечерний свет. Валентин стоит у порога и колу-то, провоняв, машет рукой. Закрыв дверь, подошел к окну, поднял жалюзи. Подошел к умывальнику, моет руки. Моет тщательно, с мылом. Щипет полотенце, чтобы вытереть руки. Не найдя его, подходит к кровати и, загнув в ногах одеяло, вытирает руки о простыню. Вытер, подоткнул ее под матрац, обдернул одеяло. Подошел к тумбочке. Взял с нее свои наручные часы, подел. Закуривает. Входит Сергей с бутылкой и макуровой. Волосы Сергея мокры.

Сергей. Выкупался еще. Вода хороша! Двадцать четыре градуса!
(Ставит водку и закуску на стол.)

Валентин. Килечки мал. Чудесно!

Сергей (доставая посуду). У меня только стаканы. Даже стовок нет.

Валентин. Это здорово! И одной вишней — по-студенчески! Ох,
с удовольствием пропущу!.. Ты поиваешь?

Сергей. Периодически.

Валентин. Компании есть?

Сергей. Так, переменный состав... Сдачу возьми. (Отдает Валентину
деньги.)

Валентин. Да ладно, не надо. Оставь себя.

Сергей. Слабко. (Убирает деньги в карман. Накрывает на стол.
Доставает и тарелку с хурмой.)

Валентин. Нет, повздох тут у тебя! Даже завидую. Покой. (Сладко
потянулся. Прошелся по комнате.) В Москве, знаешь, как в ки-
пятке вариться: то наверху болтаешься, то по дну идеешь и все
время будишься.

Сергей (разливая водку). Бери.

Валентин (возьмал стакан). Похитили... За тебя воскресший!

Сергей. Похитил!

Выпил.

Валентин. Эта, знаешь, ваша Анна Львовна, так — нестоящая
бабенка. С виду только показалась. Мясо одно... (Ест сладко,
с аппетитом.)

Сергей. Сука. Она из Киева, муж инженер, детей двое, я знаю.

Валентин. Точно — сука. А ты знаешь, Сережа, вот несмотря ни
на что, ты даже лучше стал. Проще, общедоступнее. Я ведь
раньше боялся тебя.

Сергей. Ты? Меня?

Валентин. Да-да. Теперь уже дело прошлое, могу сказать: тяжелый
ты человек был, резкий, труднопереносимый.

Сергей. Это верно... Я все идеального требовал, да?

Валентин. Именно. А смертному идеальное не дано. Разве что для
ориентира только. Ты, наверно, теперь и сам эту нехитрую
примудрость усвоил. Так сказать, опытом жизни.

Сергей. Да-да... Нету, нету! Тот мальчик умер! *(Налил водку.)* По-налил!

Валентин. Не часта.

Сергей. В темпе. Поцмыл. *(Выпил один.)* У меня, знаешь, тогда получилась передом полноночного столба. Что-то крик — я, как в сказке, — новое существо! Я — новое существо. И видишь — и лучшему: веселее стал. Все правильно! Идеалисты гибнут сразу в перьями. Туда им в дорожка!

Валентин. Я иногда думаю. Серьезно, есть все-таки что-то проде судьбы. Ну вот, мечтал ли я быть доцентом, инструктором? Лекции читать от всеобщего общества «Знание»? Да никогда! В мыслях у меня этого не было. Что у молодого доботриса имелось в голове? Одна неопределенность, туман, смутное желание наверт вылезть. Утвердить личность, что ли, и все. Конечно, это идеализм, чуть всяния поросичья, но иногда так и движется: рождается человек, а ему уж на голое пузо бумажка приклепнута — расписание жизни. И никуда из этого расписания не выйдешь — манута и мануту, сюжет и сюжет... Конечно, на лекциях этого не скажешь. Народ дурной, истолкует еще сильнее-налось, потом объясняй. Но лекции, понимаешь, лекциями, а как на живую жизнь посмотришь, — далеко, брат, не так все просто. Верно?.. Словом, лотерей. Вот мы с Галкой благополучный билет вытащили, а тебе какой-то тринадцатый номер достался. А почему? За что? Поди отгадывай... Ничего, что ты сейчас вынимаешь? Рабочий-то день у тебя кончился?

Сергей. Кончится тут, иди! Пока все не завалится — дежурь, да еще иногда и после отбоя по кустам шарь. Отдыхающие, Валя, — это особый порода: они, знаешь, наработаются там у себя за год свиде головам, а тут, значит, из всех сил отдыхать начинают. Смех! *(Ест хурму, вылевывает косточки и бросает кожуру на пол.)*

Валентин. Грязно будет.

Сергей. Потом уберу.

Валентин. Сам убираешь?

Сергей. А что же! Я и стираю сам, и пол мою, и в магазинчик. Кругом сам. Только харчи казенные. Но когда надоедает, на

платке жарю... И я знаешь, тогда даже рад был, что переодинался... легче стало... Одно никогда понять не мог: как мне в те дни мысль о самоубийстве не пришла! Но не пришла! Вот пришла и не пришла... *(Смеется.)* Занятно, верно?

Валентин. Долой себе.

Сергей. Паренускаешь?

Валентин. Тебе больше достанется.

Сергей. И то! Погляди.. *(Вынул.)* Я тогда купил самый дешевый билет, до Челябинска почему-то, и поехал... Мало что помню. В вагоне дети плакали, военные зонтик взяли, и карты играли. Потом какую-то узловую станцию. Там я взял и вышел. За вокзал ушел, на крыльцах сидел долго... А потом все шел... Четверо суток шел. День и ночь. Все шел и шел... шел и шел... шел и шел...

Валентин *(увидав, что Сергей плачет)*. Что ты, Сергей?

Сергей. Это у меня се два поднялось. *(Вытирает глаза.)*

Валентин. Ты брось!

Сергей. Да! Ну его и лешему!

Валентин. За Галку давай амьнем, завтра у нее день рождения.

Сергей. Да что ты! Разве завтра двенадцатое?

Валентин. Именно!

Сергей. Вот, понимаешь, время-то скачет!

Валентин. Пошла ей телеграмму, поздравь. Ахнет! Все-таки друзья были!

Сергей! Да ну... ни к чему.

Валентин. А я ей тут шлепанцы купил, мехом отделаны, симпатичные. *(Поднимает стакан.)* За Галку!

Сергей. Погляди!

Чокнулись. Выпили.

Валентин. Вот подарю — а она не обрадуется. «Спасибо» скажет, и только. Случная она, Сережа. Я, может, сам виноват: заблудил или не сумел верта понять. А верта, знаешь, с ними не возьмешь, сам под них угощать можешь.

Сергей. Тридцать семь ей будет...

Валентин. Тридцать семь.

Сергей. Половина жизни.

Валентина. Лучшая половина.

Сергей. У кого как.

Валентина. Молодость ничем не заменишь, Сережа!

Сергей. Конечно. Только настоящее счастье можно в позднее выиграть, во второй половине.

Валентина. Ждешь, значит, все-таки? Это хорошо.

Сергей. Я не про себя... вообще. Сам говорил: женщина в шестьдесят лет вилку проглотила... то есть биологией занялась!

Валентина. Шут ты, Сережа, точно!

Сергей. А-а, олимпиа! Смотри, как я с ними. *(Встал, валлет дурака.)*
«Товарищи отдыхающие! Встали в круг! Так! Посмотрите друг на друга и скажите — у кого сегодня самое скучное лицо? Считаю до десяти». Тут шум начинается, вняг, холот, все друг в друга пальцами тычут. «А теперь скажите, у кого самые влюбленные глаза? А у кого самый длинный нос?»

Валентина. Сидь, сидь!

Сергей *(сад.)*. Учебник, значит, написала...

Валентина. Квартира хорошая, тринки всякие есть, ну, и к тому же я. В Большой ходим, и «Современник» дажи. Она туда любит, что-то ей там нравится. Мне лично не очень, солидности нет, жидковато, так, для молодежи разве... Знаешь, Сережа, вот смотрю я на тебя и думаю: а ведь эта высшая-то справедливость, честное слово, есть. Вышла бы за тебя Галина, что бы было?

Сергей. Что?

Валентина. Мыкалась бы с тобой в этом сарае, старала, штовала, копейки считала.

Сергей. Это верно.

Валентина. Видишь.

Сергей. Слушай, Валя, я же тебе говорю — брось оправдываться!

Валентина. Чего?

Сергей. Ты тогда знала, что твой отец с Галиной разговор имел?

Валентина. Какой разговор?

Сергей. Знал?

Валентина. Какой, я говорю, разговор? Когда?

Сергей. Скажи, знал?

Валентин *(сердись)*. Что знал! Что?

Сергей. Ты не знаешь, это уже все в прошлом. Я просто так, для интереса... Знал или нет?

Валентин. Ты не залей дурака! Скажи — о чем разговор, где, когда?

Сергей. Ты его сам об этом просил?

Валентин. Да перестань адотничать! Выпил и уж заколбасил. О чем говоришь — понятия не имею!

Сергей. Неужели не знал?

Валентин. Нет же, нет!

Сергей. Ну, тогда и леший с ним... и рассказывать нечего.

Валентин. Брось-брось, из любви вынул, а из губ не точешь!

Сергей. Противное дело-то... зачем я тебе на душу камень класть буду.

Валентин. Не беспокойся, не надорвусь! Что там было, ну?.. Ну?!
(Разламывает стаканы водку.) Будь здоров!

Сергей. И ты!

Валентин. Попылись!

Выпили.

Не тыя.

Сергей. Ну... отец твой назначил Галине встречу в метро «Новокузнецкая», кажется. Галина пришла, конечно, хотя ничего понятия не могла... Отец твой в штатском был. Он ей говорил, как ты любишь ее, Галину, значит, как ученье забросил. И самоубийством решил покончить жизнь — через поешенье. Записку ты, что ли, тогда на столе оставил. А он нашел. Своими, говорит, глазами видел... Была такая записка?

Валентин. Дальше, дальше давай!

Сергей. ...Что он, отец твой, умрет, если с тобой что случится. И мать умрет. И все умрут! Ну, будет! Бери кильку-то, ты хотел. *(Берет себе кильку, передает омаку Валентину.)*

Валентин *(тоже кладет себе на тарелку кильки)*. Неужели отец это мог? Любил меня до помрачения... Не может быть... Ух, какая чепуха!.. Он меня до пятнадцати лет все наследником звал.

«Наследник», знаешь, и «наследник»! Любила. Я один у них был.

Сергей. А меня вместо Сережи «Серый» звали. Я тоже один был, дурак... Хурма сладкая, бери.

Валентин. Это тебе Галина рассказывала?

Сергей. Она.

Валентин. Галина врать не будет.

Сергей. Конечно.

Валентин. Ну?

Сергей. Что?

Валентин. О чем еще он говорил?

Сергей. В том же духе. Уговаривал за тебя замуж пойти.

Валентин. Погоди... Так, значит, она меня не любила?

Сергей. А чего?... Ты парень симпатичный был, с фасончиком, носочки в цвет галстучка. Ты и сейчас все такой... со вкусом.

Валентин. Из жалости она за меня пошла, что ли?

Сергей. Почему из жалости? Она из страха за тебя пошла.

Валентин. Не понимаю.

Сергей. Полно тебе, Вали! Многие тогда боялись. Я и сейчас... Вот мне говорят: бояться нечего — нет ничего. А я иногда боюсь. Чего — не знаю. Где-то тогда засел этот страх сюда (*ударяла ладонью в лоб*), и какую-то доминанту, и все сидит... Чего боюсь — не знаю. Другое-то не боится — и ничего. (*Поднял стакан.*) За тех, кто не боится, за них! (*Чокнулся со стаканом Валентина, но не выпил, а поставил стакан на стол.*)

Валентин. Продолжай.

Сергей (*мехота*). Галина ему отвечала, что ты парень действительно неплохой, но любить тебя не может, так как любит другого — меня, значит, — что мы пожениться хотим. У нас это дело действительно было уже запланировано... Он спросил: «А кто этот другой?» Она, конечно, имя мое и фамилию назвала. А он вынул из кармана записную книжечку и записал. Вот тут Галине и пришла в голову мысль... Говорят, чуть сознание от ужаса не потеряла. У них за неделю до этого брака зашли...

Валентин (*перебивая*). Он теперь на кондитерской фабрике старшим технологом...

Сергей (продолжая). Я присутствовал в тот вечер, засиделся у них, пластинки прокручивали. Вошла самиятченские танце... Меня свидетелем попросила быть, пока обмыл шею... Я свидетелем был... Тебе не приходилось бывать свидетелем?

Валентин. Нет.

Сергей. Представляешь, какой у нее хоронид в голове-то крутился? На улице, говорят, чуть не упала. Они уже на метро-то вышли и по улицам ходила... И сказала, что даст ответ завтра и что, наверно, согласится тебя полюбить... Занятно, верно?... (После паузы.) Она меня около института ждала. Я выхожу во двор института, а она ко мне бежит. В первый раз в жизни я ее такой фанатичной видел. Только и твердила мне: уезжай, уезжай, уезжай! Боялась она за меня, дрожала даже. И все про то, что он мой имя и фамилию записал, твердила. О брате тоже. Я бы ведь не уехал, да она сказала: если со мной что случится, сразу же с собой покончат. И она бы покончила. Она горячая! Вулкан она! Океан и бурю!

Валентин. Отец сказал ей, посадит тебя?

Сергей. Нет, не говорил.

Валентин. Грозил?

Сергей. Нет, не грозил...

Валентин. Что еще было?

Сергей. Ничего... После всего этого он подарил ее и ларьку, платку широкую кунит, отдал ей. Она плала. Боялась не взять. Проводил обратно в метро и, кажется, по пути опять говорил о тебе — что ты мальчик чувствительный, добрый, что ей у нас хорошо будет. Галина уж плохо что соображала тогда. Ты знал все это?

Валентин. Не знал.

Сергей. Клинься?

Валентин. Клинься.

Сергей. И Галина тебе никогда ничего не говорила?

Валентин. Нет.

Сергей. Она и не скажет... Да и я-то аря выболтал. Потаный стал, точно...

Валентин. А не выдумал ты все это? Ты ведь затейник!

Сергей. Значит, не знал?

Валентина. Не знал. И такого разговора у отца с Галиной не могло быть. Не было. И Галина за меня пошла потому, что я ей понравился, а не ты. Она рассчитала... подумала — а за меня

Сергей. Знал, значит.

Валентина. Ты в психоклинике, часом, на учете не состоишь?

Сергей. Пока нет. А мог бы.

Валентина. Сходи прикренься! Мой отец был честный человек, честный!

Сергей. Я тоже так считал. Но, значит, не выдержал: ты тогда на его родительский рефлекс нажал — это срабатывает безотказно.

Валентина. Сейчас модно стало наше прошлое грязью закидывать. Впрочем, уж мода-то отошла.

Сергей. Ты не переходи на басовые ноты, Валя. Не о том я говорю, знаешь...

Валентина. Отошла, имей в виду.

Сергей. Поплыли! (Вымял.) Я, конечно, и не представлял себе так, будто ты отцу прямо сказал: вот, мол, папа, сводяй так, чтобы Галина Камышина меня поджила, ну устрой, пожалуйста, ты можешь, если захочешь... Я гадал, как это происходило. Ты записку-то на столе оставил и подумал: родители, мол, найдут, прочтут, переналоматся, а уж пусть они сами грех на душу берут — что хотят, делают. А я чист. Вроде этого что-нибудь было, Валя?

Валентина. Да если ты хочешь ахать, и бы тебя тогда действительно и порошок мог стереть, если бы захотел.

Сергей. Не захотел, не захотел, я знаю. Ты еще молодой был, тебе еще честным хотелось быть, порядочным. Честным-то каждому хочется быть. Сейчас бы, наверно, стер, да уж не можешь.

Валентина. А сейчас, валя, и стирать нечего: два прифона, три прифона.

Сергей. В общем-то ты и не так виноват. Тебя, Валя, возможности сгубили. Когда у человека лишние возможности есть, опасная штука. Не каждый удержаться может, соблазн велик. Я только не понимаю, Валя, как же ты не видел, что она к тебе не та пришла, без любви? Или тебе все равно было?

Валентин. Да ведь привилась она мне, привилась! Ничего и не мог я видеть, если и было.

Сергей. Понимаю. Обрадовался ты очень. От счастья ошалел.

Валентин. Не было этого разговора. А даже если и был... Подворотил ты мне отпуск, вот что!.. Впрочем, не торжествуй, я не из тех, кто по пустякам перны себе расшатывает. Если и было — дело отда, не мое. Я перед своей совестью чист. Хребет у него, видите ли, порезомился! Знаешь, если из-за несчастных любвей у всех хребты ломаться будут, — кругом один инвалиды по земле поползут.

Сергей. А ты-то тогда повеситься хотел. Или, может быть, не хотел?

Валентин. Хотел.

Сергей. А может, нет?

Валентин. Хотел, тебе говорят! Хотел!

Сергей. У меня хребет-то, видать, и от этого... От всего, вместе взятого... Тонко был. Жалелю очень.

Валентин *(вынул сигареты, спички. Оказалось, что спички копчилились)*. У тебя спички найдутся?

Сергей. Есть где-то. *(Встал, ищет спички.)*

Валентин тоже ищет на туббочки. Потом открыл ящик туббочки, заглянул туда, что-то увидел. Вынул фотографическую карточку.

Валентин. Ишь ты...

Сергей. Положи.

Валентин *(рассматривает фото, перевернул его)*. Даже что-то написано.

Сергей. Положи, говорю.

Валентин. Старлась! *(Читает на складки.)* «Един-ствен-но-му...
Вон как! Единственному, значит! Вот оно, Сережа, женское ностальство! Безответственная, так сказать, надпись! *(Смотрит на фото.)* Чертенок была. Теперь не то! Между прочим, у нас такой нет. Я возьму, а?

Сергей. Положи, Валя.

Валентин *(кладет фото в карман)*. Тебе-то зачем?

Сергей. Положи, пожалуйста.

Валентин. Неудобно вроде: моя жена — у другого, да еще с таким восклицанием... Ты, пооди, ей в нос своим приятелям тычеши: вот, мол, какую девицу имел!

Сергей. Положи!

Валентин. Можешь, ты еще делоешь? Так не надо. Помахни тете ручкой. *(Подшел к Сергею, проткнул ему руку.)* Будь здоров!

Сергей *(возвзв руку Валентина)*. Отдай, Вальва!

Валентин. Я к тебе, может, завтра и вечеру зайду. Раньше-то ты, наверно, в бегах... Отпусти руку-то, отпусти!

Сергей. Отдай фотографию!

Валентин. Теперь уж определенно не отдам: нехорошо будет. Пусти! Пусти руку-то, говорю!

Сергей медленно притягивает к себе Валентина и берет его за горло.

Ты что хулиганишь?

Борется.

Пусти, говорят!

Сергей молча давит Валентина.

С ума ты сошел! Пусти!

Драка. Во время драки Сергей наступает на кожу или косточку от хурмы. Поскользнулся и с размаху падает лицом на пол. Лежит.

(Оправляет на себе одежду.) Дураки! Опустился, дальше ехать некуда!.. Драться возеж... на-аа наного-то пустяки... Смотри, милицию позову!

Сергей *(лежа)*. Пустяки! Тебе все пустяки! И небо пустяки! И море пустяки! И люди пустяки! Один ты не пустяки. И все — тебе! И море — тебе, оно пустяки! И солнце — тебе, оно пустяки! И люди — тебе, они пустяки! Один ты кругом! Весь мир — тебе, всегда!

Валентин. Все правильно! Лежи и философствуй. Затеялки! Веселее злаятве. Надо же так опуститься! Шпана! *(Уходит.)*

З а н я в е с

ДЕЯСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в квартире Селицких в Москве. Обставлена современно, но не слишком модерна. Однако есть на первом взгляд и ненужные вещи, например канделябры на каминно. В вазе несколько букетов цветов. Я строго письменный стол, на котором кроме книг и тетрадей лебуре.

Алексей Павлович Селицкий присел на корточки и наладывает на полу электрическую железную дорожку. Входит Галина. В руках у нее торт в коробке, пачка книг и сумка с продуктами.

Алексей Павлович. Галочка, посмотри, какую я чертовщинку купил.

Галина положила торт на буфет, книги на письменный стол, подошла к Алексею Павловичу, и тот торжественно протиснул палец.

А?! *(Смеется.)* Хорошо?!

Галина. Почему-то идущий позад вымывает у меня грусть. Самолет — тоже. Иногда задеру голову, смотрю, и тоска вывадет.

Алексей Павлович. Думаешь: счастливые люди — летят куда-то?

Галина *(доставая из сумки пачку)*. Это ваша морская закусь.

Алексей Павлович. Не так громко, слышь, в жизни.

Галина *(передавая коробку конфет)*. Леденцы. Этих вы просили?

Алексей Павлович. Именно.

Галина. Не куряли?

Алексей Павлович. Клянусь! *(Галка на поезд.)* В детстве мне подобная штука во сне приснилась, а павлу видел и ее в одном доме. Как сейчас помню: жили в Енисейске знаменитые золотопромышленники Абазановы, миллионеры. Я мальчишкой как-то пошел им в комнату дрема. Их истонили заболел. Вошел с охляной, а на полу вот такая же дорожка выложена, паровозики бегают, — надам их гонимет. У меня, знаешь, дух от радости перехватывало, замер. Стою с дремами-то... Но эта лучше. И прча, я электрическая.

Галина. Сейчас много хороших игрушек делают.

Алексей Павлович. Да, научились... Жаль, вы мне с Валентином потомства не произвели. Может, еще отважитесь?

Галина. Поадрю.

Алексей Павлович. Понимаю... На этом, значит, наш род и заканчивается.

Галина. А Эдуард?

Алексей Павлович. Он — Болнев.

Галина. Наноломину: тетя Маша — Сидишера.

Алексей Павлович. Болнев!.. *(Остановившись в полете.)* С удовольствием играю. В детство впадаю, что ли?

Галина. Это ваши перереализованные эмоции требуют удовлетворения.

Алексей Павлович. Вероятно. И сладкого стало много есть...

Нереализованные эмоции. Много их в людях нашего поколения: недосыпали, недоедали, недолгудили...

Галина. В кассе сдачи не было, и вам два лотерейных билета взял. Обязательно «Москвич» выиграете.

Алексей Павлович. Хотя бы гармошку. Каждую получку три рубля просаживаю, и ни разу не пофертило. Афера одна, а не лотерея.

Галина. Кардиамин принимали?

Алексей Павлович. Наканай, пожалуйста... Ваше поколение счастливой росло, больше имело. А уж генерешние никаких эмоций не держат. Все реализуют в один миг. Шесть — и в замки... Между прочим, ты знаешь, странная штука происходит: я молодежь любить стал. Раньше она меня раздражала. Вечно свое мнение-самоневие, фисоны, обиды... А сейчас люблю. Просто за то, что головы не плешивые, зубы не вставные, глаза не замуханенные... *(Увидев, что Галина разбирает книги.)* Куда это ты такую груду накупила?

Галина. Учебники... тираж вышел.

Алексей Павлович. Твой?

Галина. Мой.

Алексей Павлович. Так что же ты молчишь? Это ведь не скромность, а гордость. Покажи-ка, покажи. *(Идет к столу, берет в руки учебник.)* Корочки свеженькие, хрустят. *(Открыл книгу.)*

читает.) «Мы не рабы, рабы не мы». (Перевернула страницу.)
«Летел жук, а дети ловили жука». Гениально. (Помогала книгу.)
И пахнет вкусно... Щекочет под ложечкой?

Галина. Щекочет.

Алексей Павлович. И должно. А ты знаешь, мне иногда повторяется один и тот же сон, будто я снова хожу в школу. То же, может быть, что-то нереальное? Может быть, чего-то не узнал... Подними-ка мне.

Галина. Пожалуйста. Первый надпись нам.

Алексей Павлович. Ценю.

Галина надписала книгу и передает ее Алексею Павловичу.
(Читает надпись.) «Алексею Павловичу Селищеву — человеку, сделавшему меня тем, что я есть». (После паузы.) Это хорошо или плохо?

Галина (быстро). Хорошо, конечно. Ваша идея была — мяться...

Алексей Павлович. Ну, брось, брось... Погоди. А кем ты хотела быть?

Галина. Артисткой.

Алексей Павлович. Смотри-ка! (Выходит в другую комнату и быстро возвращается, неся что-то в руке.) Поздравляю. Браслет чепуховый, но Ирина его дарила. Это мой первый подарок ей. Почему-то считала счастливым. (Целует Галину.)

Галина. Спасибо. Только и не пошу побрякушек.

Алексей Павлович. Ну, сушь в стол. А он тебе всю жизнь перевернет.

Галина. Вот уж не хочу никаких переверотов.

Алексей Павлович. Все идет нормально?

Галина. Если бы еще убрали нашего директора, совсем было бы райское житье.

Алексей Павлович. Знерь?

Галина. Хуже. Трус перед начальством, дам с подчиненными. Вы таких тоже, наверное, выдвигали.

Алексей Павлович. Да, самая ядовитая порода.

Молчанье.

Ты с каждым годом, Галя, все вглубь уходишь и вглубь.

Галина. Старее, вероятно.

Алексей Павлович. Как бы не так... Обостренная жажда жизни — вот первый признак старости. Да-да, устроила же так подлая природа. Старость тебя за печенки хватает, а жизнь ощущаешь все полней и полней... Представь, еду сейчас в троллейбусе и влюбился в одну бршнетку. В шестьдесят-то пять! И мысли, знаешь, какие-то не те полезли. В ужас пришел. Стыд! А потом думаешь: почему стыд? Наоборот. И обрадовался. К дому таким фертом подсканивал.

Галина. Что это за бршнетка?

Алексей Павлович. Откуда и знаю! Бршнетка мне эта уже ни к чему. А что влюбился с детства — доволен... Слушай, измени-ка ты разок Вальке!

Галина. Будет вам!..

Алексей Павлович. А что? Имеешь полное моральное право. Неужели там у вас в школе нет подходящего учителяшки? Женщина ты приметная...

Галина. Какую вы ерунду болтаете, Алексей Павлович!

Алексей Павлович. Да, ты порядочная женщина. В этом вся твоя беда. Потому и болтаю.

Из другой комнаты выходит Валентин.

Валентин. Друзья, кто-нибудь из вас не брал философский словарь?

Алексей Павлович. Эдуард вчера рылся на полках. Куда-нибудь сунул.

Валентин. Не подпускайте вы этого оборкота к книгам. Все хватает, лезет. *(Указав на буфете горт.)* Кто придет, что ль?

Галина. Эдуард с Тамарой.

Валентин. Званые гости...

Алексей Павлович. Поздравь Галину — тираж вышел.

Валентин. Какой тираж?

Алексей Павлович. Учебник. *(Показав на стол.)* Вот...

Валентин *(беря книгу)*. Это надо же! Тахо-тихо, а доконала. Слушай, у тебя там внутри какой-то особый движок работает, что ли? Поздравляю. *(Целует жену.)*

Алексей Павлович. Завидуешь?

Валентин. Горююсь. Галина, ты чудо! На земле так много человечества. Кажется, все расхвачено другими, а ты — гладь! — нашла зернышко. Уми!

Алексей Павлович. Книжочка! А ты больше язычком. *(Пошел к двери.)* Найду тебе словарь.

Валентин. Потерпи, может быть, и мне покажет. Между прочим, доплати и нынче получу. Вчера точно сказали.

Алексей Павлович. На земле, Валентин, есть еще очень много незамеченного. Только видят это те, у кого глаза ясны, не затуманенные изнутри. Суется много. Я тебя в перспективе новым предпологал. *(Ушел.)*

Валентин. Если бы у нас с тобой был сын, мы бы тоже, наверное, ждали видеть его гением. И огорчились бы при неудаче. Верно? *(Сел в кресло, рассматривает учебник.)* Слушай, ты способная, что да? *(Смеется.)* Знаешь, отдыхаю только дома. Умеешь ты все наладить... Платье тебе идет. Пока я ездил, шила?

Галина. Да, вчера выгла из ателье.

Валентин. Свободно за книжку получишь?

Галина. Точно не узнавала. Кажется, порадочно.

Валентин. Дай на будущий год нушим туристические путевки в Италию, я?

Галина. Ты серьезно?

Валентин. Абсолютно. А что?

Галина. Думаешь, доставем?

Валентин. Я постараюсь.

Галина. Хорошо бы. Очень хочу в Италию.

Валентин *(открыл учебник. Читает)*. «Сергея ловит рыбу. Он вытащил ерша. Сергей — мальчик лонкий». *(Завыл книгу, встал, подошел к жене, обнял ее за плечи.)*

Галина *(отстраняется)*. У тебя в этот раз так не было романов?

Валентин. То есть?

Галина. Не было. Вот ты на меня и бросаешься.

Валентин. Глупо, Галина, глупо. Я просто соскучился. Разве не заметила?

Галина. Действительно. Тебя так подменили. Носишь мне цветы каждый день, конфеты.

Валентин. Ты довольна?

Галина. Слушай, а почему ты не на стадионе? Сегодня твои «Динамо» со «Спартакон». Полуфинал все-таки.

Валентин. Они играют завтра.

Галина. А!..

Валентин. Я действительно завертелся в последние годы. Тебе внимания мало уделял.

Галина. Не обижайся. Жизнь такая — перченая.

Валентин. Это верно. Все надо делать с каким-то двойным, десятикратным усилием. И потом, видимо, я действительно самолюбив. Вот у тебя — учебники. А в чем? Все мажу, мажу... Как-то у меня не залаживается. Я все-таки хочу быть кем-то. Не довольствоваться какой-нибудь паршивой работенкой. Да и ты же захотела бы. Представь себе: у тебя муж — ничтожество, козлик. Ты бы просто плюнула и ушла. Верно?

Галина. Разве в этом дело, Вали?

Валентин *(быстро)*. А в чем?

Галина *(смеется)*. Тебя там определенно перетянули и настроили на лирический лад.

Валентин. Не нравится?

Галина пожимает плечами.

Или же равно?

Галина молчит.

Не любишь меня?

Галина. Выдумываешь.

Валентин. Да-да. Если бы любила, вбежала бы с этими учебниками и на весь дом закричала: «Валюха, смотри, Валюха!..»

Галина *(чуть не залаяла)*. Ну что ты, я просто скромная.

Валентин. Замкнутая. Иногда мне кажется, ты и замуж за меня пошла из соображений.

Галина *(пыталиво смотрит)*. Из каких?

Валентин. Нет, я просто предпологаю. Помнишь, тогда ты вошла в эту комнату... Я стоял у окна... ты открыла дверь... я боялся обнять тебя. Но ты сама подошла, взяла моя руки... И в твоих глазах мне показался какой-то страх...

Галина (*резко*). Или ты превратишь этот дурацкий психоанализ, или и сейчас же уйду на улицу.

Валентин. Ну, ладно, ладно, не сердись. (*Снова хочет обнять жему*).

Галина. Валя, объясни все-таки, что с тобой случилось?

Валентин. Галка, милая, просто хочется, чтоб ты любила меня.

Входит Алексей Павлович.

Алексей Павлович. Действительно, все перерыл — нет. Не иначе — сожрал.

Звонок.

Кто это?

Валентин. Что ты чуть не от каждого звонка вздрагиваешь?

Алексей Павлович. Леший его знает! Нервы.

Галина открывает дверь и возвращается с Эдуардом и Тамарой.

Куда ты ухитрился засунуть словарь Валентина?

Эдуард. Какой?

Валентин. Философский, в синих корочках.

Эдуард. Так он старый-престарый!

Валентин. Не твоё дело.

Эдуард. В нём только одно современное понятие и осталось: все течет, все изменяется. Неужели ты им еще пользуешься?

Валентин. Мне надо было для справки.

Эдуард. А-а-а...

Валентин. Где он?

Эдуард. Понятия не имею. (*Вспомнил.*) А!.. Я его читал, читал, а потом со злости под диван запустил. Там, по-моему, еще два-три романа с ним сосуществуют. Печатают же такое!

Валентин вышел.

Здравствуйте, дядя Леша, здравствуй, Галя.

Тамара. Здравствуйте, Алексей Павлович, здравствуйте, Галина Васильевна.

Алексей Павлович. Здравствуйте.

Галина *(пожимая молодым руки)*. Как дела?

Эдуард. Не спрашивай, еще сам ничего не могу понять.

Алексей Павлович. Что это у вас какие-то дни?

Тамара. Какие?

Алексей Павлович. Слово кошелек нашли и не знаете — от-
дать или присвоить.

Эдуард. Разные переживания.

Алексей Павлович. Эмоции.

Эдуард. Они там же... Что это за механика? *(Подшел к железной до-
роге, взял паровозик в руки.)*

Алексей Павлович. Не трогай, пожалуйста.

Эдуард. Я только взгляну.

Алексей Павлович. Остань!

Эдуард. Не съем я его. *(Ковырится в игрушке.)*

Галина и Тамара о чем-то шепчутся.

Алексей Павлович. Осторожнее... не поломай.

Эдуард. Не беспокойтесь, как-нибудь разберемся.

И вдруг — хряк! — что-то в машине хрустнуло.

Алексей Павлович. Сломал?!

Эдуард. Не думай.

Алексей Павлович. Дай сюда!

Эдуард. Погодите — поправлю.

Алексей Павлович. Дай! *(Вырвал у мальчика паровозик.)*

Эдуард. Господи, какие волнения! Тоже мне счетно-решающее
устройство!

Алексей Павлович *(поставил паровозик на рельсы, включил
ток, игрушка недвижима. Кричит)*. Что это за манера у людей,
которые ни черта не смыслят в технике, лезть своими погаными
руками куда их не просят! Не успеет прийти, бросается на ра-
диопримемник, на магнитофон, электробритуву разобрал, соко-
выжималку испортил. Доврутил телевизор до того, что я вчера
весь вечер сидел как остопок!

Эдуард. Что вы кричите... Разве у вас телевизор? Вместо звука один
хрюк, реальность плохая. Хотел наладить — вы не дали закончить.

Алексей Павлович. Докончил, успокойся!

Эдуард. Могу посмотреть.

Алексей Павлович. И близко не подходи, я мистера амывал.

Эдуард. Дела-то там на три копейки. *(Идет к телефону.)*

Алексей Павлович. Не подходи, говорю!

Эдуард. Да я только взгляну. Не переживайте!

Алексей Павлович. Отойди!

Галина *(оторвавшись от разговора с Тамарой. Она, видимо, пришла к этим перепалкам дяди с племянником, так как не обращала внимания на их спор).* Не сердь дядю Лешу. Эдуард.

Эдуард *(отходя).* Пожалуйста... Платите деньги залтурщикам, если у вас их куча.

Тамара. Эдик умеет, Алексей Павлович. Когда он в общежитие приходит, все чинит: утюги, приемники, даже сушилки для волос.

Алексей Павлович. Когда поженитесь, он тебе дома будет чинить, меня вспомнишь.

Эдуард. Между прочим, мы поженлись.

Алексей Павлович. Когда?

Тамара. Сейчас.

Эдуард. Мы прямо на загла.

Входит Валентин. В руках у него стопка книг.

Валентин. Посмотри, плава, сколько твой любимчик..

Алексей Павлович. Ты поздравь их. Они поженлись.

Валентин. Так!.. Поздравляю!

Тамара и Эдуард. Спасибо.

Валентин. Тебе двадцать?

Эдуард. Двадцать первый.

Валентин. Порядочно.

Эдуард. Я тоже считаю. На третий десяток пошло.

Алексей Павлович. Мать знает?

Эдуард. Не в курсе.

Валентин. Первый визит к нам. *(Тамаре.)* А у нас?

Эдуард. У нее, слава богу, нет родителей.

Валентин. Умерли?

Тамара. Очень давно. Я детдомовская.
Валентия. И это неплохо.
Эдуард. Позвони домой, дядя Леша.
Валентия. Осчастливь тетю Маню, папа.
Эдуард. Выясните ситуацию.
Валентия. Трудное у тебя положение. Эдик.
Эдуард. Будет чем вспомнить счастливое детство!

*Алексей Павлович подходит к телефону, набирает номер, ждет.
Пауза.*

*(Подходит к пианино, открывает крышку. Стоя, манерно играет
печальную мелодию. Оставившись, постукивал одним пальцем по
клавише.) У нас ли-бе-моль западает.*

Алексей Павлович. Что-то не подходит.
Эдуард. Она не любит сразу брать трубку. *(Открывает верхнюю
крышку пианино и лезет внутрь чуть ли не с головой.)*
Алексей Павлович. Что ты делаешь?
Эдуард. Не пугайтесь, я только взгляну.
Алексей Павлович. Закрой крышку!
Эдуард. Спокойно, спокойно...
Алексей Павлович. Валентия, обломай ему руки!
Валентия. Остань, черт!
Эдуард. Господи! Темные люди! В доме все работает через пень-
колоду, а их устраивает. Полное отсутствие технического слуха.
(Закрывает крышку. Сел на стул.)
Алексей Павлович *(в телефон)*. Маня, это я, Алексей. Как
жизнь?.. Нет, их у меня нет! А в чем дело?.. Так... так... так...
Да что ты! Валома! Сколько было?.. Восемьсот рублей? Ого!
Эдуард. Какие деньги? Да что она! Не было там денег, не было я
не видел!
Алексей Павлович *(Эдуарду)*. Подожди! *(В трубку.)* Это я Ва-
лентину. *(Говорит одновременно с Эдуардом.)* Ага!.. Неужели
ты думаешь — он?.. Нет, не знаю где... Вчера был... Да, хотел
прійти... Вот что... да... Если появится, сразу позвони, обяза-
тельно...

Эдуард (одновременно с Алексеем Павловичем). Она еще сияет — там секретные чертежи лежали... Воображеньице! Ей бы фантастические романы писать, а не швейной фабрикой заведовать! Восемьсот рублей! Что она! (Воруг вырывает трубку из рук Алексея Павловича и кричит.) Не было денег, не было денег, не было денег!

Алексей Павлович (кладет трубку на рычаг). Меня-то в какое положение поставил...

Эдуард. Да что она сочиняет.

Валентин. Через двадцать минут будет здесь.

Эдуард. И великолепно! В конце концов, она думает, я боюсь. Там не надо так думать!

Галина. Эдуард, там была деньги?

Эдуард. Нет.

Алексей Павлович. Ты действительно вскрыл сейф у матери на работе?

Эдуард. Да.

Валентин. Свадьба брачного агента!

Эдуард. Никаких денег я не видел. Валялась там ее пудреница, бутылка молока стояла, полбатона за тринадцать копеек, журнал «Америка» и какие-то папки с бумагами.

Алексей Павлович. Зачем же ты взломал сейф?

Эдуард. Я не взломал, а открыл. Тихо, точно.

Галина. Алексей Павлович, Эдуард взял оттуда свой паспорт.

Эдуард. Это она такие меры предприняла. Заперла, чтобы я с Томой не зарегистрировался. (Тамаре.) Перестань реветь в день свадьбы!

Валентин. Действительно, вы с ним еще успеете поплакаться.

Эдуард. Думаю, наша совместная жизнь будет не хуже твоей с Галиной.

Галина. Будет лучше. Эдик.

Эдуард. Я постеснялся это сказать... Что за изуверство, понимаете! Это мой паспорт, мой! Мне его наше государство пожаловало, а она отбирает. Пусть свой причет, а мне прятать нечего!

Валентин. А деньги?

Эдуард. Какие деньги?

Валентин. Восемьсот.

Эдуард. Господи, почему отменены дуэли и я не могу проткнуть
твое толстое брюхо шпагой за то, что ты сейчас думаешь!

Валентин. Что я думаю?

Эдуард. Думаешь — я ворюга.

Валентин. Может, ты открыл сейф, не запер его, а кто-то...

Эдуард. Не изворачивайся, не изворачивайся! Думаешь — я во-
рюга.

Валентин. Багда, я не изворачиваюсь. Может быть, впопыхах...

Эдуард. Я не брал. Я запер. Ясно?

Галина. Придет Мария Павловна, выясним.

Эдуард. Действительно... сколько какая-то... Дядя Леша, не возра-
жаете — мы сейчас маленькую отметку сделаем? Все-таки
событие.

Алексей Павлович. Мне-то что!

Галина (показывая на покупки). Все есть.

Эдуард. Нет, уж мы самостоятельно... (Шарит у себя в карма-
нах.) Рублей десять надо... У меня, пожалуй, не хватит... Дя-
дя Леша, добавьте немного, и отдам.

Алексей Павлович. Сколько тебе?

Эдуард. У меня вот рубль есть.

Алексей Павлович. Значит, девять добавить?

Эдуард. По неевклидовой геометрии — точно. Я все ваши добро-
вольные пожертвования отмечаю. Кончу институт, начну загре-
бать свои рублей девяносто — возьму на полное обеспечение.

Алексей Павлович. Помру к тому времени.

Эдуард. Ну, памятки поставлю. Со вкусом сделаю.

Галина. Возьми пять рублей. (Дает Эдуарду деньги).

Алексей Павлович. На. (Тоже дает деньги).

Валентин. Добавлю трояк. (Тоже дает брату деньги.)

Эдуард. Вот она, человеческая солидарность! Если бы всегда жить
в таких условиях, можно не работать!.. Тома, пойдем. (Поце-
ловал Тamarу в щеку.)

Молодые вышли.

Алексей Павлович ушел в другую комнату.

Валентин. Если взял деньги, черт те что будет...

Галина. Эдуард — твой брат.

Валентин. Знаешь: из-за любви еще и не на такие пакости идут.

А вообще тетя Мада скальмга, у нее и стянуть не грех.

Галина. Это же каменные.

Валентин. Кто ее знает, может, свои притали. Ну, леший с ними, пусть сами разбираются. *(Подходит к жене, достается и пощипывает.)*

Галина *(уклоняясь)*. Валя, тебе все-таки не семнадцать. Не время и не место.

Валентин. Для любящих друг друга людей всегда время и всегда место.

Галина. И что, эта фраза на всех действует безотказно?

Валентин. Галка, ты всегда была выше этого.

Галина. Иди готовься к лекции. Словарь нашли.

Валентин. Пошлай... *(Еще раз подошел к столу, взял учебник в руки, но не открыл его, бросил обратно на стол. Подошла к двери. Остановилась.)* Да, все забываю тебе сказать. В санатории я встретил одного типа из Мурманска. Он был знаком с Серенхой Сорокиным. *(Ждет, когда Галина спросит его.)*

Галина *(после паузы)*. Что же он рассказывал?

Валентин. Всякую ересь... Не сходил сегодня на последний сеанс? Я давно в кино не был.

Галина. На какую картину?

Валентин. Выберем... *(Ищет газету. Нашел.)* Сейчас посмотрим... *(Развернул газету, читает.)* «Планеты не должны взлететь». Ну, это какая-нибудь антивоенная мура... «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Детская, не пойдет... «Великая Отечественная». Хроника, конечно... «Итальянец в Варшаве». «Спаркиш»... Выбери... Не хотел я тебе говорить, Галка, — знаю, расстроишься. Серенха Сорокин умер, оказывается.

Галина *(продолжая накрывать на стол)*. Я это знала.

Валентин. Откуда?

Галина. Знала.

Валентин. Тебе кто-нибудь говорил?

Галина. Просто чувствовала. Был бы жив, хотя бы кому-нибудь восточку дал.

Валентин. Это не обязательно. Могли быть обстоятельства.

Галина. Какие?

Валентин. Ну, какие-нибудь...

Галина. Глухости...

Валентин. А вообще ты размышляла его?

Галина. Да.

Валентин. После пятидесят шестого?

Галина. Нешла... Давно он умер?

Валентин *(уже растерявшись)*. Три года назад.

Галина. Где?

Валентин. Камчатка, там же, на Северо, в Мурманске или в Хабаровске, я забыл. Он много ездил.

Галина. А кем он работал?

Валентин. Кем пошло. Не сложилось у него.

Галина. Не сложилось?

Валентин. Не сложилось. *(Продолжает читать.)* «В компании Максима Лявдара», «Три мушкетера», «Прарваанный полет», «Встреча со шлюбом»... Ну, рещай... О Саржико задумалась? Да, очень жалко. Хороший парень был. Он мне нравился. Но жизнь, Галина, есть жизнь.

Галина *(адрес)*. Замолчи.

Валентин. Что ты? Говорит, он погиб, спасая каких-то утопающих.

Галина. Помолчи, пожалуйста.

Валентин хотел что-то еще промолвить, но Галина перебила.

Что в тебе сказала?!

Валентин. Вот твоё подлинное отношение ко мне. Вот-вот! Успокойся, пожалуйста, он жив. Да-да, представь себе, жив-здоров!

Я встретил его, видел.

Галина. Жив или умер?

Валентин. Говорю тебе — жив, жив!

Галина. Я уже не понимаю, где ты врешь, где говоришь правду.

Валентин. Правда тоже не очень симпатичная. Галина. Он работает в задулстном доме отдыха затейником.

Галина. Кем?

Валентин. Затеишником. Ну, культуришником, что ли. Игры там всякие устраивает. Какую-то «серебочку», горелки, мячи выдает, ракетки, лапты, библиотекой заведует от одиннадцати до часу, кино привозит...

Галина. Ты сам видел его?

Валентин. Да же, да!

Галина. Врешь.

Валентин. Вот тебе! Клянусь чем угодно! Живет в каком-то сарае.

Галина. Глупо, Валя, глупо.

Валентин. Я не хотел тебя расстраивать... Опустился до того, что едет своим избару парочкам. Ему потом пол-литра ставят.

Галина. Вон как!..

Валентин. Даю слово, Галина.

Галина. Зачем тебе все это надо?

Валентин. Думаешь, я нарочно?

Галина. Не понимаю, чего ты хочешь этим добиться?

Валентин. Да на, на, пожалуйста! *(Лезет в карман и достает фотографию, которую отобрал у Сергея.)* Он мне отдал, просил передать тебе. Мы разговорились, он вспомнил про фото...

Галина. Валентин, очень прошу тебя, пожалуйста, расскажи правду.

Валентин. Хорошо... Это фото я отобрал у него.

Галина. Зачем?

Валентин. Мне было неприятно... Да еще с такой надписью. «Единственному»... Обидно, знаешь.

Галина. Кем, ты говоришь, он работает?

Валентин. Затеишником. Вообще-то я сам ахнул. Сарай, спортивная инвентарь, койка, платно. Постарел, лицо стало какое-то глубое. Я сначала не узнал его.

Галина. Это правда?

Валентин. Клянусь.

Галина. Зачем же ты сказал — умер?

Валентин. Мне казалось, проще узнать — умер, чем то, что не самом деле. Он даже сам просил: встретишь наших, не говори, скажи — умер. Клянусь, он это сказал... Что ты так смотришь?

Галина. Старайся понять, что ты сочиняешь и что правда. Он женат?

Валентин. Да.

Галина. На ком?

Валентин растерялся.

Врешь, врешь.

Валентин. Да, он не женат. Один. Но не в этом дело. Если бы ты видела, Галка... Я попросил его купить пол-литра, дал десятку. Он принес, а, знаешь, сдачу я оставил ему... и он взял. Галка... Если б ты только видела: он ест и пьет прямо на пол... И он сам все понимает.

Галина. Что он рассказывал?

Валентин. Да ничего. Так, знаешь, болтовня двух давно не разговаривавших — о том, о сем. Как игра устраивает, какие отдыхающие idioty... Ну, старое вспоминал... Что на тебе женат, я не говорил. Он сам спросил.

Галина. И что?

Валентин. Я сказал, живем нормально.

Галина. Как он выглядит?

Валентин. Постарел, конечно.

Галина. Здоров?

Валентин. Да, здоровый такой... жилистый... Хотя на кашель жаловался. Зима там, говорят, скверная... Гадка, глупая, все к лучшему и в этом лучшем...

Галина. Для кого?

Валентин. Для тебя в первую очередь. Для него — ужасно, конечно. Но, знаешь, он не жалуется, честное слово. Делом своим увлечен, говорил о нем с азартом, даже показывал мне, как развлекает отдыхающих. Действительно смешно... Он не тот. Он просто не тот, Галя, совсем не тот, совсем... Я просил его послать тебе телеграмму в день рождения. Не захотел. Махнул рукой и только сказал: «А-а! На и чему». Он привык уже, привык к этому... *(Подходит к жене.)* Галка, давай заведем ребенка. Тебе еще только тридцать семь, женщины рожают и позднее. Будет молодая семья. Я свои заважрения брошу. А то у нас как-то все натянуто, неестественно. И ты сама знаешь отчего. Я в этом виноват только отчасти.

Г а л и н а (внимательно глядя на Валентина). Ты очень несчастный человек. Бала.

В а л е н т и н. Я? Но почему же?

Г а л и н а. Самое ужасное — ты не несчастный человек.

В а л е н т и н. При чем здесь я?

Г а л и н а. Просто удивительно! Ты, не знающий, что такое настоящие радость и счастье, являешься счастливым человеком. Довольным и счастливыми... Как называется этот дом отдыха?

В а л е н т и н. Кажется, «Прилив» или «Прибой», что-то в этом духе... Я опустил одну деталь. Извини, деталь довольно противная. Когда я пришел к нему, там была дама. Из отдыхающих. Анна Львовна, кажется. Пышная особа. Знаешь, есть такие — с жиром бесятся.

Г а л и н а. И что?

В а л е н т и н. Чтобы тебе не думалось.

Г а л и н а. Что?

В а л е н т и н. Что-либо.

Г а л и н а. Зачем ты мне все это рассказал? Пять дней держал за пазухой — теперь выложи.

В а л е н т и н. Чтоб знала... Ты думаешь, почему я уходил от тебя к другим женщинам? Почему мне дома было, в конце концов, плохо? Ты, нога, колагала: он ничего не видит, не понимает, не знает. А я все знал, видел, понимал. Вглубь заходил. Не хотел знать, а знал. Из мозгов выгонял, так селезенкой об этом думал. У тебя все Сережка на уме, Сережка, Сережки!

Г а л и н а. Какой уж там Сережка... тень одна.

В а л е н т и н. А я и тени не дочу, и тени! Что это, понимаешь, за дом у нас, если все тень и тень на плетень!.. Я все понимаю: «Сережка ловит рыбу. Он поймал ерша. Сережка — мальчик хороший». Так нет теперь его! И тени нет!.. Пойми, нехорошо с твоей стороны. Я же не могу все время себя чувствовать балваном, которого не любит собственная жена. Мне надоело играть в это семейное благополучие. Я устал от всего этого. Говорю просто: люби меня нормально, и все будет хорошо.

Г а л и н а. Сережка Сорокин — мстительки...

В а л е н т и н. Конечно, ты всегда думала: придет к тебе когда-нибудь

отаный принц-физик или принц-химик, возьмет тебя за белу руку, поведет...

Г а л и н а *(не слышая)*. Значит, все-таки жив... жив... *(Вдруг)*. А ты знаешь, почему он затейник? Знаешь, почему не принц-физик, не принц-химик? Это я, глупая, глупая женщина!.. Он сам не хотел быть принцем. Думал, я узнаю об этом и буду страдать, если принц... Вот какой он, вот! Сережка Сорокин!

В а л е н т и н. Знаешь, вопить трудночато.

Г а л и н а. Это владык и два года пошу, Валя. Жив! *(Пошла в другую комнату.)*

В а л е н т и н. Ты куда? Что ты затеяла?

Г а л и н а не отвечает.

В а л е н т и н уходит за ней.

Входит Эдуард и Тамара. Они нагружены покулками.

Эдуард. Клади сюда. *(Кладет покупки на стол.)*

Тамара. Я и счастлива, не знаю как, и в то же время чувствую себя воровской.

Эдуард. Думаешь, мне легче?

Тамара. Может, мы действительно делаем что-то неоправданное?

Эдуард. Надеюсь!

Тамара. Посмотри мне в глаза...

Эдуард. Ну?..

Тамара. Умираю...

Эдуард. То-то! *(Целует ее.)*

Тамара. Почему она против меня?

Эдуард. В сущности, она не против тебя, она против всех девушек мира. Мое несчастье в том, что она хочет мне счастья. *(Целует Тамару.)* Кстати, я думаю, нам надо поскорее сообразить ребенка, чтобы потом не мучиться. Как считаешь?

Тамара. Хорошо.

Эдуард. Подгоним его под летние каникулы, чтобы время у тебя не пропадало.

Тамара. А где все-таки будем жить?

Входит Г а л и н а.

Эдуард. Отошарившись.

Галина. Зачем вы взяли эти пирожки с повидлом?

Эдуард. У каждого свой вкус. Тамара съедет их по десять штук, не отходя от ящика.

Тамара. Очень вкусные.

Эдуард. Я и ламинил ее пирожками. Дешево обошлась! И картошку любит.

Тамара. Особенно теперь.

Галина. Почему теперь?

Тамара. Мы же с Эдуардом познакомились на картошке.

Эдуард. Сделаю фамильный герб: в середине картошка, пронзенная стрелой.

Галина *(взала пирожки)*. Надо хотя бы разогреть.

Тамара. Я сама. *(Взала пирожки и ушла на кухню.)*

Эдуард. Она симпатичная, верно?

Галина. Только?

Эдуард. Ну, лучше всех в мире! *(Смеется.)* Неужели все так же любит?

Галина. Ты — исключение... Эдик!

Эдуард. Что, Гали?

Галина. Если бы тебе запретили жениться на Тамаре, что бы ты стал делать?

Эдуард. Выкрутился бы...

Галина. Скажали бы: посади в тюрьму, если женишься?

Эдуард. У-у, какая мусть!.. Честное слово, понятия не имею... Ну, бежал бы в лес и сделался бы разбойником... Ты к чему это?

Галина. Просто интересуюсь, на что способен современный влюбленный молодой человек.

Эдуард. Конечно, за других трудно говорить, но лично я, честное слово, способен на все... Галка, иначе за кой черт жить! Только мучиться! *(Вдруг подошел к Галине, потрепал ее ласково по щеке.)* Эх ты!.. Что она там пропала? *(Ушел на кухню.)*

Галина *(подомла к телефону, набрала номер)*. Справочная аэропорта? Когда вылетает самолет на Сочи? Через каждые пятнадцать минут? Спасибо.

Входит Валентин.

Валентин. Объясни мне...

Галина. Отложим разговор на более поздний час. У ребят все-таки событие.

Валентин. Скажи хотя бы в двух словах.

Входит Алексей Павлович.

Алексей Павлович. Надо что-то подарить молодоженам, а?

Валентин. Подари палку.

Алексей Павлович. Я серьезно... Может быть, эти канделябры?

Валентин. Подходящий случай от них избавиться и доставить молодым хотя бы и небольшую, но все-таки неприятность.

Алексей Павлович. Они старинные. Такие я в девятнадцатом году, и гражданскую, в одной усадьбе видел. Помню, расположились мы в ней...

Валентин. Ты уже рассказывал, папа, мы не забыли.

Алексей Павлович. Потому и купил, когда увидел. Думал, может быть, это именно они, отсюда.

Валентин. Исторические сувениры им, как они выражаются, «долмючки». Вообще у них довольно живой интерес к истории. Больше их занимает современность. Словом, даря что-нибудь существенное.

Звонок в дверь. Галина идет открывать.

Алексей Павлович. Мария, наверно. *(Истинно пречет бутылки с шампанским в буфет.)*

В это время, очевидно на звонок, входят Эдуард и Тамара. Все жмут ладони Марии Павловны. И действительно, Галина возмущается с матерью Эдуарда.

Мария Павловна. Добрый день!

Валентин. Здравствуйте, тетя Маша!

Алексей Павлович. Здравствуй, Маруся!

Тамара. Здравствуйте, Мария Павловна!

Пауза. Пауза продолжается, Эдуард подходит к окну и распахивает его.

Мария Павловна. Не остра!

Эдуард. Боюсь потерять юмор.

Мария Павловна. Всё юмор.

Эдуард. Что подразумеваешь! Такова международная ситуация! Останется только шутить.

Мария Павловна. Я человек уравновешенный, меня трудно вывести из себя, ты знаешь.

Эдуард *(малко)*. Думаешь, логика — твой сала, мама? Она твой слабость. Ты слишком ей доверяешь. Она подводит, и ты страдаешь от этого.

Мария Павловна. Ну, шутя, шутя...

Эдуард. Я это серьезно, мама.

Алексей Павлович. Он взрослый парень, Маша.

Мария Павловна. Не спеши на выручку, Алеша. Они и без тебя хорошо знают свои права и обязанности родителей.

Валентин. Не глушо!

Галина. Выпейте чай, тетя Маша.

Мария Павловна. С удовольствием.

Все идут к столу. Галина разливает чай. Мария Павловна берет баранку, хочет ее разломать, но не может. Стучит ею об стол.

Продукция! А, ноги, премильные получают.

Эдуард. Ужасное явление!

Алексей Павлович. Как дела на фабрике, Маруся?

Мария Павловна *(сыну)*. Для тебя существует один закон: твое хотенье.

Эдуард. Почему? Я вытираю ноги, когда захожу в комнату, стараюсь не чавкать за столом, не лезу в автобус с передней площадки, вообще веду себя согласно закону: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Мария Павловна. Мне кажется, общество не очень стесняет тебя.

Эдуард. Я бы не сказал. Но я веду упорную борьбу на два фронта: с проявлениями собственного эгоизма и за дальнейшее усовершенствование жизни на земле.

Мария Павловна. Первая любовь не бывает прочной, она только предлудия настоящего большого чувства.

Эдуард. Успокойся, мама, это у меня не первая любовь.

Мария Павловна. Десятая?

Эдуард. Сейчас сосчитаем...

Мария Павловна. Не трудись. Думаешь, мать слепая. В девятом классе у тебя была Катя из четвертого подъезда? Потом Алла, следующая...

Валентин. Тетя Маня, здесь Тамара.

Тамара. Валентин Алексеевич, мне Эдик все это рассказывал.

Мария Павловна. Было бы неплохо уметь отличать любовь от очередного увлечения.

Эдуард. Я это и сделал.

Мария Павловна (*Тамаре*). Не боитесь?

Тамара. Чего?

Мария Павловна. Что вы будете всего-навсего одиннадцатой.

Тамара. Разве я могу сейчас об этом думать?

Мария Павловна. А было бы неплохо кое-чего в жизни и бояться.

Тамара. Не хочу. Я ледниковская...

Мария Павловна. Бесстрашная, значит?

Тамара. Нет. Я боюсь темноты и одиночества. Началось это в одиннадцатый лет. Я плакала от злости и беспомощности и вало себе стала уходить по ночам в лес, одна, нарочно. Меня ловили и ругали. Думали — сбегать хотела. А я опять уходила.

Валентин. Преодолели страх?

Тамара. Нет. Но я могу идти в темноту, и одна...

Мария Павловна (*сыну*). Как ты мог вскрыть сейф?!

Эдуард. Это было трудно. Я сам удивился. И знаешь, даже обрадовался. Все говорит, у меня особые данные к технике. Только дядя Леша не доверяет. Все-таки в перешел на третий курс авиационного института!

Мария Павловна. Вас там этому ремеслу обучают?

Эдуард. Что ты! У нас гораздо более сложная программа... Кстати, о каких деньгах ты говорила?

Мария Павловна. Я вспомнила, утром из сдачи в банк.

Эдуард. Слава богу! Храните деньги в сберегательной кассе! Но ты подумала — и их взял.

Мария Павловна. Я забыла.

Эдуард. И подумала — я их знал. Значит: ты в глубине души веришь совсем не в логику, мама.

Мария Павловна. Оставь, пожалуйста. Если ты мог вскрыть государственный сейф...

Эдуард *(перебивая)*. Ради бога, без высоких слов! Государственный! Какая уж тут государственность, если подумала... Просто не знаешь, на кого опереться! Брат не верит, мать не верит. Остается одно — самому верить в себя!

Мария Павловна. Но ты вскрыл...

Эдуард. Прежде чем вскрыть, я просил тебя вернуть мой паспорт. Я познакомил тебя с Тамарой. Ты приняла ее, честно говоря, враждебно. Я был просто ошеломлен. Почему? За что?!

Мария Павловна *(перебивая)*. Тебе только двадцать лет.

Эдуард. Да нам еще в школе уши прожужжали: Пушкин в семнадцать лет, Лермонтов в пятнадцать лет, Николай Островский в восемнадцать лет! А мне двадцать!... Да если бы их паспорта маме заглянули в ящики, они бы не только вложили их, они бы дом сожгли, целый квартал, город!

Мария Павловна. Но ты не Пушкин, и не Лермонтов, и уж никак не Николай Островский.

Эдуард. Безусловно. Я Эдуард Беллев.

Мария Павловна. Это не так много.

Эдуард. Для меня достаточно, я человек скромный.

Мария Павловна. Надо, чтоб и другим что-то перепадало.

Эдуард. Подводить итоги будем позднее, я надеюсь.

Мария Павловна. Если ты действительно собрался провануть свой инженерный талант, начинать нужно не с женитьбы в двадцать лет.

Эдуард. Ты смешиваешь две плоскости человеческой жизни.

Мария Павловна. Все в мире взаимосвязано.

Эдуард. Но не свалено в кучу.

Мария Павловна. Ты должен понять: речь идет не о моем самолюбии, а о твоем большом счастье.

Эдуард. Когда золотое счастье суют в глотку силой, рефлекторно возникает рвотное движение. Такова природа человека... Ты же сама без усталости твердишь: за счастье надо бороться. За что

же я буду бороться, если это самое счастье мне предпологают поднести на блюдечке: улыбайся, мол, глотай и будь счастлива...

Не получается! Немодно начинаешь искать свое счастье.

Мария Павловна. В двадцать лет глухо...

Эдуард. Мама, внеси предложение в Верховный Совет — выдавать паспорта детям в тридцать лет. Или напиши в газету заметку «Возродим старые добрые традиции и порекомендуем без согласия родителей браки не регистрировать».

Мария Павловна. Кстати, это было бы не так глухо, как ты представляешь.

Эдуард. Может быть, газета откроет дискуссию на эту тему. Кто-нибудь разовьет положение, потребует возродить свист, икону, колокольный звон. Вернувшись же обратно обручальные кольца, фата и прочая условия мур, предназначенная, видимо, для бедняг, у которых любовь держится неизвестно на чем, и такая малюсенькая, что ее надо подкреплять внешними факторами, не то, гляди, завтра за разводом побегут.

Мария Павловна. Когда ты думаешь регистрироваться?

Пауза.

Валентин. Они уже...

Пауза. Мария Павловна встала, пошла к двери.

Эдуард. Мама! Неужели тебе логика дороже нас?

Алексей Павлович. Маруся! Пауза ты на них, в конце концов!

Они славные ребята, любят друг друга. Может быть, это настоящее. Ведь угадать вперед никто не может. Разрушить легко...

Мария Павловна. Когда-то ты был более твердым мужчиной, Алексей.

Алексей Павлович. Думается, именно твердости мне тогда и не хватало.

Галина. Мария Павловна, это я посоветовала Эдуарду вскрыть сейф.

Эдуард. Я сам!

Галина. Даже убедила его.

Валентин. Брось выдумывать!

Мария Павловна. Вы все-таки учительница, Галина Васильевна...

Галина. Именно.

Мария Павловна. Чему же вы можете учить в таком случае?

Галина. Прежде всего я учу быть просто порядочными.

Мария Павловна. Не мажовато ли? Не расщипчато ли это? Их надо прежде всего учить быть дисциплинированными.

Галина. Порядочность выше дисциплины, Мария Павловна.

Мария Павловна. Конечно, как всякая учительница, вы обладаете монополией на знание истины. (Смыку.) Где вы думаете жить?

Эдуард. Хотелось бы вместе с тобой, если ты не возражаешь.

Мария Павловна. Конечно. Ты можешь подать в суд, выдлить свой метраж и поселиться.

Александр Павлович. Маня!..

Тамара. Я никогда ее позволю себе этого.

Эдуард (также). И не подам в суд, мама, не бойся. Твой метраж останется с тобой. Я бы даже прибавил тебе метражу, дал бы большой-большой метраж, тысячу метров. И ты бы ходила по нему одна, долго, из края в край... С каким уворством ты стараешься, мама, сделать из меня мерзавца.

Мария Павловна. Думаешь, ты хорош?

Эдуард. Конечно, плох. Я вынужден был тайком вскрыть эту железную гробницу — и испытывал отвратительнейшее чувство, унижительное и подлое. Сейчас я разговариваю с тобой ужасно. Но я не могу отказаться от Тамары. Я люблю ее. Люблю два года. Мы близки с ней, совсем близки... (Остановился.) Ради бога, извините... я, кажется, теряю юмор... Да, надо еще много работать над собой. (Ищет шампанское. Подбегает к буфету, открывает его, достает бутылку, откупоривает, наливает бокал, идет к матери.) Мама, очень прошу тебя...

Мария Павловна (не глядя бокал). Не хочу. (Уходит.)

Пауза.

Тамара. Эдик, не расстраивайся. Я буду жить у себя и убеждать, ты дома. А когда закончишь...

Александр Павлович. Между прочим, можете оставаться у нас на пару дней, пока все утрясется.

Эдуард. Мы не возражаем остаться я на долгие.
Алексей Павлович. Долгие Мария не выдержит.
Эдуард. Что вы! Она очень стойкая. Если бы ее выбрать в Комитет защиты мира, люди могли бы спать спокойно. Куда уйдет энергии человека!
Тамара. Пирожки, конечно, сгорели! *(Быстро уходит на кухню.)*
Эдуард *(растерянно)*. Сейчас там плакать будет. Не позволю! *(Убегает вслед за Тамарой.)*
Валентин. Папа, Галина затекает какую-то глупость, поговори с ней.
Алексей Павлович. Очередная ссора? Пареставьте!
Галина. Видите ли, Алексей Павлович, отыскался один человек.
Алексей Павлович. Кто?
Галина. Вы его вряд ли помните.
Алексей Павлович. Кто же все-таки?
Галина. Наверняка забыли. Не в этом дело.
Валентин. Что ты крутишь, что ты темнишь!.. Отыскался прежний знакомый — Сергей Сорокин.
Алексей Павлович. Сорокин? *(Вдруг понял, о ком идет речь, чуть не закричал. Быстро пошел на комнату, взял с буфета коробок спичек, потряс его, привычным жестом вошел в карман за палочками.)*
Валентин *(вынул пачку из кармана, протянул отцу)*. На...
Алексей Павлович *(взял пачку, закурил)*. Что же он?
Галина. Жив.
Валентин. Работает затейником в доме отдыха.
Алексей Павлович. Кем?
Валентин. Затейником. Погряз, облез, опустился. Все четырнадцать лет он живет только для себя, как ему лучше, один эгоизм...
Алексей Павлович *(вдруг кричит)*. Не смей!.. Дрянь!
Валентин *(опешив)*. Ты что? Что ты на меня? В конце концов, зачем ты с ней тогда разговаривал?
Галина. Валя!
Валентин. Я бы попереживал-пореживал...
Алексей Павлович. Вот это здорово! Вот это великолепно! Вот это да! Когда мать нашла на столе твою записку... Нет-нет,

я всегда знал, нам с детства твердили: подлость не может оправдать себя! А мы все надеемся: авось проскочит, сойдет, в виде исключения, при особой надобности.

Валентин. Я же тебя не просил.

Галина. Валя, выйди отсюда.

Валентин. Куда я выйду, куда?

Галина. Пожалуйста.

Валентин. «Уходи», «уйди», «уйди!» Пусть развешется! Пусть это кончится, черт с тобой! Я тоже человек, а не гипнопотам! В конце концов я найду себе нормальную женщину. Да-да. Одной тебе я не по вкусу! Одной тебе прищипать надо! Давай к нему, давай к прищипу! Полюбуйся на красавца, как он там смешишь трудящихся. *(Передразнивает)*. «Граждане отдышающиеся, посмотрите друг на друга и скажите — у кого сегодня самый длинный нос... А теперь скажите, у кого самое тувое рыло...». Поезжай-поезжай!.. *(Ушел)*.

Галина. Я действительно хочу Уехать, Алексей Павлович.

Алексей Павлович. Ты знаешь, он мне за каждым углом мерещился. Из дома выйду — он, в метро — он, в театре — его вижу.

Галина. Сначала и мне он вроде казался, потом перестал.

Алексей Павлович. А мне до сих пор... Я не помню, Галочка, о чем тогда говорил с тобой. Бормотал что-то, старался не показывать вида. Кажется, какую-то шоколадку тебе купил, совал в руки... Но я все понимал, все!.. Вал-то к определенной цели... Не перебивай!.. Воспользовался, воспользовался обстоятельствами, своим положением.

Галина. Я все понимаю, Алексей Павлович.

Алексей Павлович *(раздраженно)*. Ничего ты не можешь понять. И слава богу!

Галина. Вы талантливый, сильный, умный человек.

Алексей Павлович. К черту! Перестань!

Галина. Время было такое.

Алексей Павлович. Ну, бросай мне спасательный круг, бросай! Как приятно за что-нибудь хватываться, прятаться! За время, за обстоятельства, за черта, за дьявола! Спрятаться — и ку-ку! Ищи меня!.. Легко жить невинному!.. Дышать просто. А и

не хочу прятаться и не буду! Бросай этот кружок другим, пусть другие прычутся... делают невнятные физиономии. Время!.. Обо всем думал, обо всем!.. Сам за все соловьиный хватался — ниче как же жить!.. Даже, знаешь, заслуги себе отыскивал — подсчитывал, сколько спасал, реабилитировал, как срежиссировал. Всеми пласами себе грудь, как победными крестами, увешивал. А толку что?.. Время? А почему же другие-то чистыми оставались?.. Почему одни поганились, а другие нет? А ведь это как в алгебре, при прочих равных условиях!.. Нет уж! Каждый лично за себя отвечает — при этих-то прочих равных!.. При пожаре тоже, знаешь, один в горящий дом опрометью кидается — ребенка вытаскивать, а другой в это же самое время узел с пожитками стянуть поровит... Время!.. Сейчас и не то время, а всякой нечисти хватает. Все я думал, все!.. А он, видишь, затейник!.. Он — затейник!.. И ты!..

Галина. Вам бы сейчас двадцать пять лет.

Алексей Павлович. А?

Галина. Я говорю — вам бы сейчас...

Алексей Павлович (с азартом). Да-да-да! В том-то и ужас человеческой жизни: ничего нельзя начать снова! Все пишешь кровью сразу в одну общую тетрадь. Что было, то было... Время?! Конечно, важно, знаешь, создать такие обстоятельства жизни, когда дурные стороны человеческой природы не будут иметь возможности проявиться. Это важно. Это чрезвычайно важно, потому что не всякий человек силен, слабых много, двойственных. Слабых большинство. Обстоятельства должны помогать им быть сильными, чистыми. А тогда!.. Как ними пачкали себя! Пачкали и ужасался. Бытие!.. Время идет! Время идет! Мне хочется, чтобы оно бежло, летало, шлолось. Мне даже нравится, что ты, Эдуард во многом не можете понять меня. Пусть! И не понимайте, не надо... Я ведь любил тебя в того... его тона... (Поломчае.) Поезжай!.. Может быть, я могу помочь хотя бы материально?

Галина. Спасибо. Не надо.

Алексей Павлович. Я бы хотел... я бы хотел... Мне без тебя плохо будет здесь.

Г а л и н а. Я поеду, это я отослала его, я... Никто не имеет права распорядиться чужими жизнями. Ничей — никто! Все должно идти так, как должно было идти. Верно?

А л е к с е й П а в л о в и ч. Да-да... быстрее бы, быстрее... Дома-то что будет? Пустота.

Г а л и н а ушла.

(Вдруг кричит.) Эдуард, Эдуард! Тамара!

Вбегают Эдуард и Тамара. Одновременно входит Валентин.

Слушай, Эдуард! Я хочу дать вам метраж, я? Знаменитый метраж! Хочешь?

Эдуард. Какой метраж?

А л е к с е й П а в л о в и ч. Я даже прошу тебя взять метраж! Рад буду! Валентин. Папа!

А л е к с е й П а в л о в и ч. Не твой — мой! А ты разделись, заштупай, забей, в суд войди. Выдели — в один из край в край, как Эдуард сказал...

Эдуард. Боже мой, меня уже цитируют! Вот бы мама обрадовалась! *(Серьезно.)* Что случилось?

А л е к с е й П а в л о в и ч. Ничего. Все идет нормально. Все становится на свои места. Ты что, действительно все-таки вскрыл сейф?

Эдуард. По необходимости.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Тогда, может, в самом деле починаешь телевизор, соковыжималку, игрушку?

Эдуард. Наконец-то! *(Берет паровозик.)*

А л е к с е й П а в л о в и ч. Только все-таки осторожнеей.

Эдуард. Не нервничайте мастера. Главное — доверие. *(Ковырится в паровозике.)*

Т а м а р а. Сделает, обязательно!

Входит Галина с небольшим чемоданом и пальто на руке.

В а л е н т и н *(опешив).* Галина!.. Что ты... куда?

Галина подходит к Алексею Павловичу, прощается.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Ухо?

Г а л и н а. Самолеты уходят через каждые пятнадцать минут.

Валентин. Ты хотя бы объясни, зачем едешь?

Галина. Еще не знаю. Но ты должен понять — я не могу не поехать.

Валентин. Не будешь счастлива, Галина, влякнусь!

Галина. Это в действ. Валя, счастье мне мерещилось в виде одной бесконечной улыбки.

Валентин. Собираешься остаться у него?

Галина. Ничего не знаю.

Валентин. Его не вытаскишь. Это чепуха, будто можно назад вернуться. Трещину — силеешь! А когда идребеаги — не только не склеишь, а не соберешь. У тебя здесь твоя школа... сложившийся круг интереснейших знакомств...

Галина. А он там.

Валентин. ...ласточки в Академия педагогических наук, Москва...

Галина. А он там.

Валентин. В конце концов, этот дом собран твоими руками. Поминишь, как мы с тобой покупали этот стол, стулья...

Галина. А он там.

Валентин. Он! Он! Он!.. Я тебе говорю: он привыл... *(Чуть не плача.)* Я люблю тебя, Галина... честное слово люблю!

Галина подошла к двери.

(Кричит.) Папа, останови его!

Алексей Павлович. Останови, папа?! *(Галине.)* Поезжай!

Валентин. Галина. Не выдержишь, вот увидишь!

Галина. Именно ты мог бы знать силу моего терпения. Чему же я буду учить, если не поезду?

Эдуард. Готово! *(Поставил паровозик на рельсы, пустил поезд.)*

В слова, громытая, летят вагончики.

Алексей Павлович. Смотри ты! Действительно...

Эдуард. А мы думали... Дайте мне минимальный метраж, а я переверну мир! *(Глядя на игрушку, показала всем.)* Бежит паровозик, бежит!

Землеев

1984